

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 34-й **1913** г. 22 августа.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой 6 руб.—Отдѣльный номеръ 20 коп.

АДРЕСЪ: Г. Вятка, Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются для печатанія за 1 стр. 5 р., за 1/2 стр. 3 руб., за 1/4 стр. 2 р., строчка—20 к. При повтореніи объявленій дѣлается скидка по соглашенію.

Отдѣль officialный.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Зачисленіе въ штатъ.

Запасный младшій писарь, изъ крестьянъ Орловскаго уѣзда, Посадской волости, деревни Верхней Мельницы Иванъ Константиновъ *Вылегжанинъ*, согласно прошенію, по опредѣленію Епархіальнаго Начальства, отъ 26 іюля—12 августа сего года, зачисленъ на государственную службу по вѣдомству православнаго исповѣданія—въ штатъ канцелярскихъ служителей Вятской Духовной Консисторіи, съ причисленіемъ, по образованію, ко 2-му разряду.

О назначеніи миссіонеровъ—противостарообрядческаго и инородческаго.

Избранные собраніемъ духовенства 3 округа, Елабужскаго уѣзда, по протоколамъ за №№ 33 и 34, на должности окружныхъ миссіонеровъ — противостарообрядческаго — священникъ церкви села Биляра Павелъ *Смирновъ* и инородческаго — священникъ церкви села Алнашъ Викторъ *Фокинъ* резолюціями Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Филарета, отъ 1 августа сего года за №№ 5020 и 5021, утверждены въ избранныхъ должностяхъ.

Перемѣны по службѣ.

Опредѣлены: на псаломщическія мѣста: окончившій дополнительные курсы при Митинской школѣ Михаилъ *Фечинцевъ* въ село Русаново, Орловскаго уѣзда, — 16 августа.

Утверждены въ должности псаломщика временно исправляшіе такую въ селахъ: Уржумскаго уѣзда: Михайловскомъ, Константинъ *Зубаревъ* — 5 августа; Космодамианскомъ Сергѣй *Помосовъ* — 5 августа; при церкви Верхней Шурмы Александръ *Зоринъ* и Викторъ *Левашевъ* — 5 августа; Буйско-Архангельскомъ Петръ *Головизнинъ* — 5 августа; Ашлани, Θεодоръ *Горбуновъ* — 5 августа; Богословскаго, Нолинскаго уѣзда, Тихонъ *Красногорскій* — 8 августа; Логова, Глазовскаго уѣзда, Θεодоръ *Журиговъ* — 11 августа.

Перемѣщены: псаломщикъ села Сосновки, Глазовскаго у., Николай *Несмѣловъ* въ село Дерюшево, Малмыжскаго уѣзда, по распоряженію Епархіальнаго Начальства 29 іюля — 3 августа; псаломщикъ Воскресенской церкви Бѣлохолуницкаго завода, Слободскаго уѣзда, Анатолій *Блиновъ* въ село Владимірское, Котельничскаго уѣзда, — 13 августа.

Священникъ села Макарья, Котельничскаго уѣзда, Николай

Шкляевъ, за назначеніемъ его законоучителемъ Ижевской женской гимназіи, уволенъ отъ должности священника — 11 августа.

Священникъ села Тумью Мучаша, Уржумскаго уѣзда, *Василій Аस्याновъ*, рѣшеніемъ Епархіальнаго Начальства, отъ 15 іюля — 2 августа отрѣшенъ отъ мѣста съ запрещеніемъ священнослуженія, и опредѣленъ псаломщикомъ въ село Куршаково, Уржумскаго уѣзда.

Назначенные на священническія вакансіи: въ село Юски, Глазовскаго уѣзда, *Николай Зянкинъ* и *Елгань*, Глазовскаго уѣзда, *Николай Левитскій*, согласно прошеніямъ, освобождены отъ сего назначенія: *Зянкинъ* — 11 августа и *Левитскій* — 12 августа.

Умерли: псаломщикъ села Оршанки, Яранскаго уѣзда, *Тихонъ Логиновъ* — 31 іюля; псаломщикъ села Русанова, Орлов. уѣз., *Павель Головинъ* — 3 августа.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ Правленія Нолинскаго Духовнаго училища.

О свободной вакансіи надзирателя за учениками.

Въ Нолинскомъ духовномъ училищѣ состоитъ вакантною должность надзирателя за учениками, съ жалованьемъ — 340 рублей въ годъ, при готовыхъ — квартирѣ и столѣ.

Лица, окончившія курсъ Духовной семинаріи и желающія занять эту должность, приглашаются подать прошеніе, съ приложеніемъ документовъ на имя смотрителя училища.

Отъ Совѣта Вятскаго епархіального женскаго училища.

8-го сентября сего 1913 года исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія Вятскаго епархіального женскаго училища. Торжество по сему случаю въ училищѣ будетъ строго семейнаго характера. О днѣ официальнаго празднованія пятидесятилѣтія Совѣтомъ училища будетъ объявлено особо.

С В ъ Д Ъ Н І Я

о вакантныхъ мѣстахъ въ епархіи.

Протоіерейское.

При Орловскомъ Казанско-Богородицкомъ соборѣ.

С в я щ е н н и ч е с к і я :

При Котельнической Николаевской церкви.

При Слободскомъ Вознесенскомъ соборѣ.

При Тихвинской Царевосанчурской церкви.

При Слободской Тюремной церкви.

Вятскаго уѣзда: Волче-Троицкомъ.

Елабужскаго уѣз.: Костенѣевъ.

Яранскаго уѣз.: Кокшагъ, Ижмаринскомъ, Великорѣчьѣ.

Уржумскаго уѣз.: Токтайбѣлякъ, при Александро-Невской церкви зав. Шурмы., Петровскомъ, Ветошкинѣ, Зашижемѣ, Сабанурѣ, Кугушени, Тумьюмучашѣ.

Сарапульскаго уѣз.: Тойкинѣ, Мазунинѣ, Бодѣ, Люкѣ, Галановѣ, Христорожественскомъ, Тыловаѣ, Большой-Норѣ. Дебессахъ, Русской Лозѣ.

Котельническаго уѣз.: Вонданкахъ, Покровскомъ, Владимірскомъ.

Орловскаго уѣз.: Малышевскомъ, Зашижемъ, Пищаль, Чудиновъ.

Глазовскаго уѣз.: Лѣмъ, Архангельскомъ, Верхлыпъ, Бѣльско-Троицкомъ, Васильевскомъ, Медмъ, Верховунь, Верхокамъ, Елгани, Юскахъ.

Слободскаго уѣз.: при Воскресенской церкви Холуницкаго завода, Пантылъ, Черно-Холуницкомъ заводѣ, Кирсинскомъ заводѣ, Совь, Холуницко-Ильинскомъ 2, Шкарскомъ, Березино-Николаевскомъ, Кругловъ.

Нолинскаго уѣз.: Колобовъ, Экономической Лудянъ.

Малмыжскаго уѣз.: Кизнери, Халдахъ. Муки-Баксяхъ, Новомъ Бурцъ.

Протодіаконское. При Вятскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

Д і а к о н с к і я :

При Кукарскомъ Троицкомъ соборѣ.

При Царевосанчурской Владимірской церкви.

Въ селахъ:

Котельничскаго уѣзда: Круглыжахъ.

При Шурминской Христорождественской церкви, Уржум. у.

Нолинскаго уѣзда: Татауровъ.

П с а л о м щ и ч е с к і я :

При Вятскомъ Спасскомъ соборѣ.

При Ижевскомъ Александро-Невскомъ соборѣ.

При Кукарскомъ Троицкомъ соборѣ.

При Вятскомъ женскомъ монастырѣ.

При Яранской Троицкой церкви.

При Уржумской Воскресенской церкви.

При Ижевской единовѣрческой церкви.

Малмыжскаго уѣз.: Цыпѣ, Верхней Слудкѣ, Старой Монѣ.

Елабужскаго у.: Омгѣ, Русскомъ Пычасѣ, Поршурѣ, Малой Воложикѣ, Бектешевѣ.

Уржумскаго уѣзда: Верхоушнурѣ, Шанери, Тумью-Мучашѣ, Вершинятахѣ, Старомъ Торьялѣ.

Яранскаго уѣзда: Сметанинѣ, Оршанкѣ.

Слободскаго уѣзда: при Вознесенской церкви X Бѣло-Холуницкаго завода.

Глазовскаго уѣзда: Сосновкѣ.

Редакторъ официал. отд. Еп. Вѣд. *И. Ракитинъ.*

И н е н а

При Казанской единовѣрческой церкви.
При Слободской единовѣрческой церкви.
При Уфимской единовѣрческой церкви.
При Слободской единовѣрческой церкви.
При Шуринской единовѣрческой церкви.
При Татурской единовѣрческой церкви.
При Вятскомъ Свѣтскомъ соборѣ.
При Ижевскомъ Алексѣевскомъ соборѣ.
При Казанскомъ Троицкомъ соборѣ.

ВЯТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 34-й 1913 г. 22 августа.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Годовая цѣна съ доставкой и
пересылкой 6 руб.—Отдѣльный
номеръ 20 коп.

АДРЕСЪ: Г. Вятка, Редакція
Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются для
печатанія за 1 стран. 5 р., за 1/2
стр. 3 руб., за 1/4 стр. 2 р.,
строчка—20 к. При повтореніи
объявленій дѣлается скидка по
соглашенію.

Отдѣль неофициальный.

Императоръ Константинъ Великій и торжество христіанства.

*(Къ предстоящему—14 сентября 1913 г. торжественно-
му воспоминанію 1600-лѣтія Миланскаго эдикта).*

Въ мартѣ текущаго 1913 года исполнилось 1600 лѣтъ со
времени изданія римскимъ императоромъ Константиномъ Вели-
кимъ знаменитаго Миланскаго эдикта (въ 313 г.), которымъ
жестоко гонимая дотолѣ христіанская вѣра и Церковь получили
свободу и право господствующей религіи.

Торжественное воспоминаніе 1600-лѣтія со времени Милан-
скаго эдикта, коимъ признано было за православною вѣрою право

на свободное распространение и первенство ея, — Свят. Синодомъ опредѣлено (см. Церк. Вѣд. за 1913 г. № 11, стр. 125--126) отпраздновать 14 сентября сего 1913 года благодарственнымъ молебствіемъ во всѣхъ храмахъ, предваривъ эти молебствія соотвѣтствующими поученіями. Въ качествѣ матеріала для пастырскихъ поученій, посвященныхъ событію, которое будетъ торжественно воспоминается, и предлагается настоящій краткій историческій очеркъ.

Упрочивъ первенство христіанской вѣры, Миланскій эдиктъ составилъ цѣлую эпоху въ жизни человѣчества. Но прежде своего торжества христіанство вынесло рядъ жестокихъ гоненій, которыя воздвигали противъ него римскіе императоры.

Конецъ II вѣка и III вѣкъ по рождествѣ Христовомъ составляютъ переходное время для Церкви Христовой. Оно было очень тяжелымъ для послѣдователей креста; но здѣсь же и лежитъ начало господства христіанства надъ отжившимъ своей вѣкѣ язычествомъ. Сначала немногочисленная, Церковь Христова къ этому времени настолько окрѣпла, что могла дать сильный отпоръ язычеству, настолько увеличилась въ числѣ своихъ членовъ, что уже не боялась натиска со стороны язычества и могла развернуть свои силы. Какъ божественное установленіе, опирающееся на истинѣ, стоящая на незыблемомъ камнѣ, она смѣло и рѣшительно вступила въ борьбу съ заблужденіями язычества и начала одерживать одну побѣду за другой. Въ свою очередь и язычество, видимо падавшее, устарѣвшее, подгнившее въ своемъ корнѣ, употребляло послѣднія усилія въ этой борьбѣ — отстоять свою самостоятельность и преобладающее значеніе. Между устарѣвшими языческими элементами и новыми христіанскими началами возгорѣвшаяся раньше ожесточенная борьба, борьба далеко не съ одинаковыми силами съ той и съ другой стороны, шла теперь на жизнь и смерть. Очевидная для всѣхъ благотворность христіанскаго ученія, его приложимость къ жизни и вліяніе на жизнь не могли не быть замѣтными и для язычниковъ. И, однако, они

возставали противъ того, что въ принципѣ считали дѣломъ хорошимъ. Язычество настолько глубоко пустило свои корни, что сразу не могло быть подавлено; язычники настолько привыкли къ своей религіи, освященной вѣками, имѣвшей на своей сторонѣ авторитетъ древности, что даже помыслить о перемѣнѣ своихъ привычекъ считали невозможнымъ и вооружились противъ христіанства огнемъ и мечемъ.

Рядомъ съ язычествомъ и рука объ руку съ нимъ шло противъ христіанства и іудейство. Лишенные политической самостоятельности и не имѣвшіе возможности непосредственно вредить ненавистному для нихъ христіанству, іудеи примкнули къ язычникамъ и, возбуждая ихъ фанатизмъ, черезъ нихъ дѣйствовали противъ христіанъ и христіанства. Цѣль ихъ достигалась: незнакомые съ христіанствомъ, язычники на первыхъ порахъ дѣйствовали противъ христіанъ подъ вліяніемъ сыновъ Израиля, и первыми гоненіями со стороны язычниковъ, безъ сомнѣнія, христіане были обязаны жестокимъ мучителямъ Спасителя міра, вознесшимъ Его на крестъ.

Язычество и іудейство были вѣшними врагами Христовой Церкви. Наряду съ ними сильное противодѣйствіе христіанству явилось въ немъ самомъ. Во 2 и 3 вѣкахъ особенно усилились гностическія ереси, которыя, подъ оболочкой христіанства, скрывали въ себѣ языческіе элементы и легко увлекали вѣрующихъ почти въ то же язычество, грозили, если не совершенно уничтожить истинное христіанство, то, во всякомъ случаѣ, повредить чистотѣ евангельскаго ученія.

Особенную ненависть къ христіанамъ проявилъ Діоклетіанъ (284—303 г.). Четыре эдикта, издавныя имъ, отличались необычайною жестокостью и имѣли цѣлю совершенно истребить христіанство. Пущены были въ ходъ всевозможныя пытки и казни, и исполнители ихъ не задумывались ни предъ какою жестокостью. Назначенъ былъ даже послѣдній срокъ для существованія христіан-

ства. Рано утромъ 23 февраля 303 года отрядъ воиновъ окружилъ никоидійскій храмъ: двери его были разломаны, священныя книги сожжены, драгоценности разграблены, и весь храмъ разрушенъ до основанія. Послѣ этого начались такіе ужасы, которыхъ невозможно изобразить. „Если бы у меня“, пишетъ одинъ изъ современниковъ (Лактанцій), „были сотни устъ и желѣзная грудь, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, претерпѣнныхъ вѣрующими“. Свирѣпость мучителей доходила до того, что изувѣченныхъ снова лѣчили, чтобы мучить, мучили сотнями, безъ различія пола и возраста. „Я самъ былъ очевидцемъ этого“, говоритъ историкъ Евсевій, „желѣзо пригуплялось и ломалось, и сами убійцы, утомившись, поочередно смѣняли другъ друга“.

Гоненіе Діоклетіана на христіанъ было послѣднимъ. Это была послѣдняя отчаянная попытка враговъ Христа. Со вступленіемъ на престолъ Константина Великаго христіанство сдѣлалось господствующею религіею, и для Церкви Христовой наступили дни мира.

Императоръ Константинъ былъ сынъ Констанція Хлора, управлявшаго западною частью Римской имперіи, и святой равноапостольной Елены. Послѣ смерти отца (въ 306 г.) Константинъ былъ провозглашенъ императоромъ.

Къ принятію христіанства онъ былъ предрасположенъ своею матерью. Отецъ его хотя и былъ язычникъ, но покровительствовалъ христіанамъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что они вѣрные слуги и честные граждане. При дворѣ Діоклетіана въ то время, когда онъ еще не былъ гонителемъ Церкви, христіане занимали различныя должности, и Константинъ имѣлъ возможность убѣдиться въ ихъ честности и вѣрности долгу. Затѣмъ онъ видѣлъ весь ужасъ гоненій и необыкновенную твердость исповѣдниковъ Христовыхъ, и это также расположило его въ ихъ пользу.

По характеру своему дѣятельный, воинственный, для всѣхъ доступный и щедрый, при дальновидномъ и проницательномъ умѣ,

Константинъ является воплощеніемъ мірового генія. Провидѣніе Божіе избрало его для совершенія величайшаго переворота въ имперіи и во всемъ человѣчествѣ.

Близкій къ христіанству по расположенію своего сердца, Константинъ былъ обращенъ ко Христу чудеснымъ образомъ. Незадолго до рѣшительной битвы съ своимъ врагомъ Максентіемъ (въ 312 г.), Константинъ сталъ усердно молиться единому Богу, небомъ и землей обладающему, Котораго почитаютъ христіане, чтобы Онъ даровалъ ему побѣду надъ мучителемъ. И вотъ, во время этой молитвы, въ полдень, при полномъ солнечномъ свѣтѣ, Константинъ увидѣлъ въ небѣ образъ креста Господня, составленный изъ звѣздъ и сіявшій сильнѣе солнца, съ надписью вокругъ него: „Симъ побѣждай“. Это знаменіе видѣло все войско Константина, въ которомъ было много христіанъ. Всѣ удивлялись и не могли понять значенія этого явленія. Самъ царь былъ въ недоумѣніи. Въ слѣдующую ночь явился ему во снѣ Самъ Христосъ Господь, опять показалъ ему знаменіе креста и сказалъ: „Сдѣлай подобіе этого знаменія и прикажи носить его предъ войскомъ,—и не только Максентія побѣдишь, но и всѣхъ враговъ своихъ!“. Утромъ Константинъ рассказалъ объ этомъ видѣніи своимъ приближеннымъ и, призвавъ мастеровъ, повелѣлъ имъ сдѣлать честный крестъ, подобный явившемуся ему, изъ золота, желѣза и драгоценныхъ камней. А всему войску приказалъ изобразить крестное знаменіе на шлемахъ, щитахъ и на всемъ оружіи. Произошло сраженіе. Войска Максентія были разбиты. Самъ Максентій со множествомъ воиновъ утонулъ въ р. Тибрѣ. Царь Константинъ вошелъ въ городъ и съ радостью былъ встрѣченъ римлянами. Приписывая побѣду христіанскому Богу, Константинъ устроилъ посреди Рима на высококомъ каменномъ столбѣ крестъ и написалъ на немъ: „Симъ спасительнымъ знаменіемъ городъ этотъ освобожденъ отъ ига мучителя“. Послѣ этого Константинъ былъ оглашенъ въ истинахъ христіанской религіи и началъ прилежно

читать священныя книги. Полагая, что Явившійся ему Одинъ достоинъ поклоненія, царь повелѣлъ, чтобы при немъ постоянно находились іереи Божіи, съ которыми онъ часто совѣтовался и наставленіямъ которыхъ усердно внималъ.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ Максентіемъ Константинъ издалъ свой знаменитый Миланскій эдиктъ. Это событіе относится приблизительно къ мѣсяцу марту 313 г. Приводимъ главныя мысли Миланскаго эдикта: „Когда мы прибыли въ Миланъ, говорится въ эдиктѣ, то мы, Константинъ и Ликиній, занявшись внимательнымъ разсмотрѣніемъ способовъ, клонящихся къ общей пользѣ и благу, между прочими распоряженіями, или, лучше сказать, прежде всѣхъ распоряженій, заблагоразсудили сдѣлать постановленіе, которымъ охранялся бы страхъ и благоговѣніе къ Богу, именно: заблагоразсудили христіанамъ и всѣмъ отдать на произволь соблюденіе того богослуженія, какого кто пожелаетъ, чтобы Божественное и Небесное Существо, какъ бы Его ни называли, было благосклонно и къ намъ, и ко всѣмъ, находящимся подъ нашею властію. Итакъ, водясь здравымъ и правымъ смысломъ, объявляемъ слѣдующую нашу волю: пусть никому рѣшительно не запрещается избирать и соблюдать христіанское богослуженіе, но каждому отдается на произволь обращаться сердцемъ къ той вѣрѣ, какую кто находитъ согласною съ собственнымъ убѣжденіемъ, чтобы Божество при всякомъ случаѣ ниспосылало намъ свою помощь и всякое благо. Мы признали за нужное отмѣнить касательно христіанъ все, что представляется жестокимъ и несообразнымъ съ нашею кротостію. *Отнынѣ каждый, рѣшившійся соблюдать христіанское богослуженіе, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно безъ всякаго затрудненія.* Мы заблагоразсудили объявить о нашей волѣ, предоставляющей христіанамъ полное и неограниченное право совершать свое богослуженіе. Если же мы это разрѣшили имъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ дается право и другимъ соблюдать свои обычаи и вѣру. Такъ опредѣлено нами съ цѣлью, чтобы не показалось,

что мы хотимъ унижить достоинство какого то бы то ни было богослуженія“. Затѣмъ Миланскій эдиктъ повелѣваетъ, чтобы немедленно, безъ всякаго отлагательства, возвращены были христіанской Церкви тѣ мѣста, на которыхъ были христіанскіе храмы, но которыя во время послѣднихъ гоненій перешли въ стороннія руки. Наконецъ предписывалось оказывать Церкви христіанской всякое содѣйствіе къ возвращенію отнятыхъ у ней прежде общественныхъ имуществъ, а также объявить этотъ указъ во всеобщее свѣдѣніе.

Какое значеніе имѣетъ Миланскій эдиктъ? Почему онъ считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ религіозно-законодательной дѣятельности Константина?

Миланскій эдиктъ составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи христіанской религіи и произвелъ полный переворотъ въ исторіи человѣчества. Миланскимъ эдиктомъ христіанство выдвинуто на первое мѣсто, а всѣ прочія религіи поставлены ниже его.

Къ христіанству императоръ Константинъ обращаетъ свое лицо, свои взоры, свою душу, а отъ прочихъ религій онъ отвертывается, остается къ нимъ холоденъ и равнодушенъ; первое онъ возлюбилъ и ему хочетъ покровительствовать, съ остальными религіями онъ не имѣетъ никакихъ связей, но только терпитъ ихъ. Миланскій эдиктъ прямо и рѣшительно говоритъ о христіанской религіи, которая со времени изданія эдикта должна имѣть все значеніе и всю силу въ государствѣ. И вся мысль законодателя сосредоточена только на христіанствѣ, которому одному онъ отдаетъ право, а другимъ религіямъ лишь не отказываетъ въ этихъ правахъ. Тонъ Миланскаго эдикта совершенно ясно говоритъ о томъ, что этотъ эдиктъ больше всего и прежде всего имѣетъ въ виду облагодѣтельствовать христіанъ. Въ эдиктъ много разъ упомянуто имя христіанъ, но совсѣмъ не упомянуто имени послѣдователей другихъ религій. Съ именемъ христіанъ само собою дается понятіе и о томъ, что Глава христіанства — Христосъ — приковываетъ къ Себѣ всѣ вниманіе законодателя, тогда

какъ о богахъ языческихъ, которые до сихъ поръ имѣли такое великое значеніе въ государственной жизни народовъ, — въ эдиктѣ нѣтъ и помину. А между тѣмъ еще такъ недавно верховные законодатели въ своихъ религіозныхъ эдиктахъ постоянно напоминали своимъ подданнымъ „о нашихъ богахъ“, „о нашихъ безсмертныхъ богахъ“. Эдиктъ Миланскій совершенно игнорируетъ этихъ, еще недавно столь почитаемыхъ, мнимыхъ распорядителей судьбами человѣчества. Константинъ остается равнодушнымъ къ богамъ своихъ предковъ. Его мысль всецѣло занята Богомъ тѣхъ, которыхъ онъ въ эдиктѣ по имени этого Бога называетъ христіанами. Издавая эдиктъ, Константинъ стремится дать первенство и силу религіи христіанской и открываетъ ей широкій путь для вліянія на умы народовъ.

Другая существенная черта, характеризующая Миланскій эдиктъ, заключается въ слѣдующемъ. Римъ зналъ и уважалъ только религіи національныя, освященныя древностію, составлявшія необходимую принадлежность извѣстнаго народа. Язычники твердо помнили, что каждый народъ имѣетъ своихъ боговъ и обязанъ воздавать имъ почтеніе. Эта мысль постоянно была на устахъ языческихъ мыслителей и писателей. Ничего такого христіанство не признавало и не могло признать. Оно было религіей, принадлежащей не одному какому-либо народу, а всему человѣчеству. Это было удивительно и непонятно для язычниковъ и возбуждало въ нихъ ненависть къ христіанамъ. Но никакія притѣсненія и гоненія на мѣшали христіанству распространяться шире и шире, расти болѣе и болѣе. Наконецъ, наступилъ моментъ, когда государство, хотя и противъ воли, должно было дать извѣстную санкцію христіанству, объявивъ его религіей терпимою. Такъ было при Галеріи. Не то мы видимъ въ Миланскомъ эдиктѣ. Здѣсь разомъ и смѣло отброшены всѣ традиціи древности. Взглядъ на религію совершенно измѣняется. Константинъ далеко выходитъ за тѣ предѣлы, въ которые была заключена мысль чело­вѣка древняго міра. Онъ ясно и во всеуслышаніе провозгла-

силъ, что христіанство не есть принадлежность какого-либо опредѣленнаго народа, а есть религія всеобщая, религія всего чело- вѣчества. Онъ въ конецъ ниспровергъ узкій взглядъ древне- религіозныхъ представлений. Если прежде думали, что извѣстная религія принадлежитъ извѣстному народу, а потому она священна и неприкосновенна, то теперь Константинъ провозглашаетъ новое начало: онъ заявляетъ, что священна и неприкосновенна та рели- гія, которая не принадлежитъ одному народу, а принадлежитъ всѣмъ народамъ, всѣмъ людямъ—это христіанство. Это было ве- личайшимъ шагомъ впередъ. Узкая религіозная исключительность древняго міра должна была пасть навсегда. Сравнительно съ предшествующими заководателями (напр. Галеріемъ) Константинъ становится на новую точку зрѣнія, единственно правильную. Онъ даетъ права свободнаго исповѣданія христіанства всѣмъ людямъ и всѣмъ народамъ, всѣмъ подданнымъ имперіи. Христіанство ста- вится выше всякихъ опредѣленныхъ народностей. И эта религія въ Миланскомъ эдиктѣ получила названіе—общество христіанское, церковь христіанская,—духовный союзъ всѣхъ послѣдователей Христа. Полагаютъ, что Миланскій эдиктъ, въ которомъ выска- занъ такой опредѣленный взглядъ на христіанство, составленъ Константиномъ (въ то время еще мало знакомымъ съ христіан- скимъ богословіемъ) не безъ участія извѣстнаго Осія, епископа Кордубскаго.

Существеннымъ дополненіемъ къ тому, чего хотѣлъ достиг- нуть Константинъ Миланскимъ эдиктомъ, служить его религіозно- политическая дѣятельность, обнаружившаяся тотчасъ по изданіи этого эдикта и продолжавшаяся до борьбы съ императоромъ Ли- киніемъ (323 г.), послѣ которой та же дѣятельность дѣлается еще рѣшительнѣе и смѣлѣе.

Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ отношенія Кон- стантина къ язычеству и христіанству. Константинъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ для язычества, становится равнодушнымъ къ нему, но въ то же время для христіанства дѣлаетъ очень много.

Уже самый тонъ и языкъ, какимъ онъ говоритъ о христіанствѣ, показываетъ, что оно не только пользуется терпимостью со стороны Императора, но ему, т. е. христіанству, отдается полное предпочтеніе предъ другими религіями. Константинъ говоритъ о христіанствѣ въ тонѣ почтительномъ, языкомъ исполненнымъ искренняго чувства. Своему повелителю подражаютъ и его начальники. Въ документахъ, въ которыхъ Константинъ выражаетъ свою волю по религіознымъ вопросамъ, о христіанствѣ говорится: „святое богослуженіе“, „святѣйшее католическое богослуженіе“, „святая религія, заслуживающая благоговѣнія“ и т. п. Въ письмахъ къ епископамъ Константинъ никогда не забываетъ пожелать имъ покровительства „Великаго Бога“ и „Бога Вседержителя“. Этотъ языкъ, эта благопочтительность, эти живыя сношенія съ епископами ясно показываютъ, что Миланскимъ эдиктомъ Константинъ поставилъ христіанскую религію неизмѣримо выше другихъ. Затѣмъ, та поспѣшность, съ какой Константинъ требуетъ исполненія своей воли о возвращеніи христіанамъ отнятыхъ у нихъ во время гоненія имущества, показываетъ, что христіанство было для него религіей, о которой онъ больше всего заботился. Константинъ издаетъ одинъ указъ за другимъ съ тѣмъ, чтобы обезпечить христіанскія церкви или возвысить служителей этой церкви. Теперь Константина сильно интересуется, какъ отзывается общество о христіанахъ, и онъ всячески желаетъ охранить ихъ репутацію. Онъ прямо объявляетъ себя покровителемъ и защитникомъ христіанства, усматривая въ этомъ залогъ благоденствія общественнаго.

Изъ этихъ главнѣйшихъ фактовъ, въ которыхъ выразилась дѣятельность Константина въ пользу христіанства послѣ Миланскаго эдикта, видно, что онъ не только лишилъ язычество его прежняго государственнаго значенія, но и далъ основанія, утверждаясь на которыхъ, христіанство могло возвыситься до значенія государственной религіи. Подъ христіанствомъ же онъ разумѣлъ Церковь католическую (вселенскую), какъ твердѣйшій центръ хри-

стіанскаго общества. Въ католической Церкви обращены все его милости, а различныя секты возбуждали въ немъ только гнѣвъ и негодованіе.

Изданіемъ Миланскаго эдикта и послѣдующею дѣятельностію Константина въ пользу христіанства положены прочныя основанія для торжества христіанства и Церкви надъ язычествомъ. Но только послѣ побѣды надъ Ликиніемъ (въ 323 г.), когда Константинъ сдѣлался единодержавнымъ правителемъ имперіи, онъ дѣлалъ начатое имъ дѣло утвержденія христіанства въ греко-римскомъ мірѣ. Въ то время, какъ Ликиній, готовясь къ рѣшительной битвѣ, приносилъ жертвы языческимъ богамъ и просилъ ихъ о помощи, Константинъ поступилъ иначе. Онъ возлагаетъ свои надежды не на боговъ языческихъ, а на крестное знаменіе, которое развѣвалось въ его войскахъ, замѣнивъ прежнія языческія знамена. Константинъ даже создалъ особое ополченіе, специальнымъ занятіемъ котораго было ношеніе знамени въ походѣ. По свидѣтельству историка Евсевія, „тѣмъ изъ своихъ щитоносцевъ, которые отличались всеми достоинствами, Константинъ велѣлъ находиться при этомъ знамени“. Такихъ людей было не менѣе 50 и они не имѣли другой обязанности, какъ стоять вокругъ этого знамени, или слѣдовать за нимъ въ видѣ почетной стражи, когда одинъ изъ нихъ по очереди несъ его на своихъ плечахъ. Этого мало: во время похода Константинъ окружилъ себя священниками въ томъ убѣжденіи, что Богъ, Которому онъ служитъ, по крайней мѣрѣ за это будетъ къ нему милостивъ. Борьба Константина съ язычникомъ Ликиніемъ была непродолжительна. Она окончилась полнымъ торжествомъ оружія Константина.

Время отъ побѣды надъ Ликиніемъ и до самой смерти Константина (323—337 г.г.) составляетъ новую и самую высшую степень въ развитіи религіозно-политической дѣятельности Константина. Сдѣлавшись единодержавнымъ, Константинъ сталъ дѣйствовать свободнѣе и рѣшительнѣе на пользу христіанства и Церкви и открытѣе выражать свое пренебреженіе къ язычеству. Онъ

сталъ еще ближе къ христіанству и еще дальше отъ язычества. Замѣчательны два эдикта, изданные имъ въ 323 и 324 г.г. Въ первомъ эдиктѣ онъ прямо говоритъ о себѣ, что онъ стоитъ на сторонѣ христіанства. „Молю Тебя, Великій Боже, взываетъ Константинъ, будь милостивъ и благосклоненъ къ восточнымъ Твоимъ народамъ! Не безъ причины прошу этого, Владыко всѣхъ, Святый Боже. Ибо я предалъ Тебѣ свою душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговѣю предъ силою, которую явилъ Ты многими опытами“. Этого мало. Константинъ открыто заявляетъ, что миссія его заключается въ томъ, „чтобы родъ человѣческій призвать къ служенію священнѣйшему закону (христіанству) и подъ руководствомъ Высочайшаго Существа возрастить блаженнѣйшую вѣру“. Теперь отношенія Константина къ язычникамъ сдѣлались еще хуже и пренебреженіе къ нимъ стало еще яснѣе. Онъ называетъ ихъ „нечестивыми“, „сѣменемъ беззаконныхъ“, а ихъ мнѣнія считаетъ „развращеннымъ безуміемъ“. (К. Е. В.).

Роль духовенства въ борьбѣ съ хулиганствомъ.

Къ числу общественныхъ язвъ, развѣдающихъ народную душу и подтачивающихъ моральные устои современнаго соціального быта, несомнѣнно, надо отнести и то прискорбное въ жизни русскаго народа явленіе, которое извѣстно подъ названіемъ хулиганства. Хулиганство—это новый типъ озорства, проявляющійся во всевозможныхъ видахъ и формахъ и ясно свидѣтельствующій о полномъ нравственномъ отупѣніи и одичаніи. Если приглядѣться попристальнѣе къ современной русской жизни, то можно замѣтить, что явленіе это повсемѣстное и присуще не одному какому-либо классу населенія, но проникло во всѣ поры народнаго организма, начиная съ дворянина, просвѣщеннаго городского интеллигента и кончая крестьяниномъ, послѣднимъ фабричнымъ рабочимъ. Что это такъ, въ этомъ легко убѣдиться; достаточно

только вспомнить такіе уголовные процессы послѣдняго времени, какъ, напр., московскіе: Прасолова, Мартянова, или какъ на дняхъ только закончившійся петербургскій — Долматова и бар. Гейсмара.

Какъ съ грознымъ общенароднымъ недугомъ, съ хулиганствомъ и борьба должна вестись общенародная. Въ этой борьбѣ должны дружно сплотиться всѣ: и правительство, и общество, и законодательныя палаты, и земскія и городскія самоуправленія, и печать, и судъ, и духовенство.

Не ставя себѣ широкой задачи всесторонне выяснить вопросъ объ общихъ государственныхъ мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ, я позволю себѣ коснуться той роли, какая, по моему мнѣнію, должна принадлежать въ данномъ случаѣ духовенству. При этомъ я буду, главнымъ образомъ, имѣть въ виду простой народъ и сельское духовенство.

Нѣтъ сомнѣнія, что роль духовенства въ борьбѣ съ нравственными народными недугами не маловажная. Она чисто моральная — путь нравственнаго воздѣйствія. Церковная проповѣдь, личный примѣръ, бесѣды при совершеніи требъ, школа, внѣшкольныя занятія, внѣбогослужебныя собесѣдованія съ взрослымъ и особенно съ подростяющимъ молодымъ населеніемъ прихода — вотъ тѣ мѣры борьбы, которыми вооружено духовенство. Никакія иныя мѣры ему не свойственны и не доступны.

Несмотря на кажущуюся односторонность, въ былое время эти мѣры обладали могучею силою и могли творить чудеса. Это было въ то время, когда духовенство пользовалось полнымъ довѣріемъ со стороны населенія, когда народъ смотрѣлъ на пастыря, какъ на провозвѣстника истины и вѣрилъ его слову. Къ сожалѣнію, своевременно эти мѣры не были использованы въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія и просвѣщенія народа.

Не то надо сказать относительно дѣйствительности этихъ мѣръ въ настоящее время. Развившаяся въ послѣдніе годы въ государствѣ противорелигіозная пропаганда встрѣтила чрезвычайно

благопріятныя условія для своего успѣха, съ одной стороны — въ малокультурности и религіозномъ невѣжествѣ народа, а съ другой — въ ненормальныхъ условіяхъ матеріальнаго быта духовенства, и сильно подорвала народную вѣру. Лишенный устойчивыхъ религіозныхъ знаній, неспособный правильно разобраться въ истинныхъ мотивахъ, цѣляхъ и намѣреніяхъ враговъ вѣры, обманутый надѣтой ими на себя маской народныхъ печальниковъ народъ какъ-то сразу повѣрилъ убѣжденіямъ новоявленныхъ „благодѣтелей“, что религія это пустой пережитокъ, недобросовѣстная выдумка жаднаго и корыстолюбиваго духовенства, и отшатнулся от своихъ исконныхъ вѣрованій. Вѣра въ народѣ быстро пала, а съ нею пало и довѣріе къ духовенству. Народъ сталъ смотрѣть на духовенство, какъ на „хабарниковъ“ (*), выдумавшихъ религію исключительно съ цѣлю наживы, и началъ относиться къ нему крайне подозрительно и недовѣрчиво. При такихъ условіяхъ самая ревностная пастырская дѣятельность стала почти безплодна. Слово истины, любви и правды ударялось о глухую стѣну скрытаго недовѣрія и, какъ мячъ, отскакивало, не оставляя въ душѣ слушателя ни малѣйшаго благодѣтельнаго слѣда. Какъ бы ни было разумно и убѣдительно слово проповѣдника, оно рѣдко-рѣдко находило добрую почву и, почти всегда, оставалось „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Не вдаваясь въ анализъ сказаннаго, не пытаюсь провѣрить его правдивость, сбивый съ толку и слушатель упорно и неизмѣнно повторяетъ: „це все поддѣлка“ (ложь, фальшь), „все для своей наживы“. Мнѣ извѣстенъ случай, когда во время бесѣды одного уважаемаго пастыря на тему о христіанской благотворительности, нѣсколько слушателей, очевидно, понявъ проповѣдника неправильно, демонстративно повернулись и вышли изъ церкви. И такихъ случаевъ открытаго и скрытаго недовѣрія къ духовенству можно указать тысячи.

Послѣ всего сказаннаго, можно ли съ прежнею вѣрою смот-

*) Прошу читателя простить меня за вульгарное выраженіе; къ сожалѣнію, оно взято изъ дѣйствительной жизни. Авт.

рѣть на могучую силу пастырскаго слова, пастырской дѣятельности? По моему глубокому убѣжденію, при наличныхъ условіяхъ жизни и дѣятельности духовенства, — нельзя.

Но, вѣдь тогда надо только понять трагизмъ положенія духовенства! Проповѣдывать и въ то же время сознать, что тебѣ не вѣрятъ; работать и не встрѣчать сочувствія своему труду среди окружающихъ! Что можетъ быть тяжелѣе этого положенія?! Поневоѣ бесильно опустятся руки...

И что бы ни говорили, что бы ни утверждали въ извѣстныхъ сферахъ общества и духовенства, главнѣйшею причиною всего этого, краеугольнымъ камнемъ всѣхъ золь, является безотрадное, нищенское матеріальное положеніе духовенства.

Отсюда, если правительство и общество (въ лицѣ своей лучшей, просвѣщенной части) искренно хочетъ, чтобы духовенство въ борьбѣ съ нравственными недугами народа, въ томъ числѣ и съ хулиганствомъ, сказало свое слово; чтобы оно принесло тутъ громадную пользу, какую, при другихъ условіяхъ, отъ него можно ожидать, оно (правительство и общество) должно прежде всего позаботиться о поднятіи нравственнаго авторитета духовенства въ глазахъ населенія, о быіи упроченіи его престижа. Достигнуть же этого можно только въ томъ случаѣ, если духовенство будетъ выведено изъ того приниженаго, нищенскаго положенія, въ которомъ оно находится теперь; если оно, наконецъ, будетъ обезпечено опредѣленнымъ жалованьемъ; если оно будетъ избавлено отъ необходимости постоянно думать о завтрашнемъ днѣ, о кускѣ насущнаго хлѣба. Надо освободить духовенство отъ тяжелой необходимости при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ протягивать за подачкой руку; надо снять съ него мучительное подозрѣніе въ томъ, что все, что оно ни говоритъ, что ни дѣлаетъ, — все говоритъ и дѣлаетъ для своей личной пользы; надо поставить дѣло такъ, чтобы народъ смотрѣлъ на духовенство не какъ бы на „хабарниковъ“, выдумавшихъ религію для своей наживы, а какъ на пастырей, какъ на искреннихъ друзей своихъ.

безкорыстно отдающихъ народу и свой разумъ, и свои силы, и свое здорье. И тогда въ народѣ само собою явится къ духовенству и довѣріе, и уваженіе, и любовь. Тогда слово его будетъ „со властію“, будетъ имѣть высокій нравственный авторитетъ и силу, и ему несравненно легче будетъ бороться съ тѣми многочисленными нравственными ведугами, которые широкой рѣкой разлились по Руси и захлестнули своей мутной волной всю русскую землю.

Правда, могутъ сказать, да и говорятъ многіе, что назначеніе духовенству опредѣленнаго жалованья можетъ обратить послѣднее (духовенство) въ чиновниковъ, безучастно и формально относящихся къ своему дѣлу, и что отъ этого порученное духовенству важное дѣло можетъ только проиграть. На чемъ основывается подобный взглядъ, — не извѣстно, ибо на опытѣ это утвержденіе не провѣрено. Но въ опроверженіе такого взгляда можно сказать, что жизнь говоритъ намъ совершенно обратное; что тамъ, гдѣ духовенство обезпечено опредѣленнымъ жалованіемъ отъ казны, какъ напр., въ средѣ нашего католическаго, протестантскаго и даже іудейскаго духовенства, тамъ не только незамѣтно упадка нравственнаго вліянія и авторитета духовенства, но, напротивъ, престижъ послѣдняго стоитъ высоко, и уваженіе и довѣріе къ нему общества безспорно.

Въ заключеніе надо сказать, что съсмотрѣть на назначеніе православному духовенству жалованія, какъ на единственное средство, могущее поднять авторитетъ и престижъ духовенства, какъ на панацею отъ всѣхъ бѣдъ, было бы глубоко ошибочно. Это только первое и главное средство укрѣпить пошатнувшееся къ духовенству довѣріе народа; безъ котораго никакія другія мѣропріятія не будутъ имѣть силы. Но и кромѣ этого средства необходимы еще многія другія важныя условія для достиженія указанной цѣли. Такъ, крайне неотложны, напр.: реформа средней духовной школы, реформа прихода, отвлеченіе духовенства отъ активнаго вмѣшательства въ политику, облегченіе налогового бре-

мени церковей и т. д. и т. д. Словомъ, нужны не палліативы, а крупныя реформы, подлежащія компетенціи давно ожидаемаго помѣстнаго собора русской Церкви, и только тогда, быть можетъ, возвратится къ духовенству утерянное имъ народное довѣріе и уваженіе, и духовенство съ обновленными силами вступитъ на родное поприще и съ удвоенною силою, энергіей и *успѣхомъ* станетъ лѣчить тѣ многочисленныя нравственныя болячки и язвы, которыя такъ обнаженно зіяютъ въ настоящее время на духовномъ организмѣ русскаго народа. (П. Е. В.).

Типы православнаго духовенства въ свѣтской литературѣ.

Русская литература всегда удѣляла православному русскому духовенству довольно видное мѣсто. Да иначе и быть не могло. Духовенство, какъ сословіе, настолько видно и замѣтно въ жизни русскаго общества и особенно народа, его вліяніе на эту жизнь настолько значительно, что нельзя было изображать жизнь русскаго общества и народа, не касаясь духовенства. Такъ было всегда, такъ продолжается и доселѣ, несмотря на всю вражду къ православному духовенству извѣстной и значительной части представителей русской литературы. Только прежде наша литература все-же лучше и симпатичнѣе, хотя и за многими, конечно, исключеніями, относилась къ нему. Теперь въ многочисленныхъ и доселѣ разказахъ изъ жизни и быта духовенства и болѣе или менѣе мимоходомъ выводимыхъ его типахъ уже рѣдко можно найти, не говоримъ уже симпатичное, но даже и просто безпристрастное отношеніе.

Нѣкоторые писатели сдѣлали описаніе духовенства своей спеціальною и составили на изображеніи его себѣ имя. Таковы, напр., О. Забытый (псевдонимъ), Потапенко, Елпатьевскій, Елеонскій (псевдонимъ) и въ послѣднее время Гусевъ-Оренбург-

скій (Сергій Гусевъ). Всѣ они духовнаго происхожденія и по-
 этому, конечно, знаютъ средѹ, которую изображаютъ; но не оди-
 накова у нихъ степень таланта и не одинаково безпристрастїе и
 отношенїе къ изображаемой средѣ. Пальма первенства среди
 нихъ принадлежитъ, несомнѣнно, г. Елпатьевскому. Его раз-
 сказы — сама жизнь, настоящая, неприкрашенная, правдивая — и
 въ этомъ высокое художественное достоинство его рассказовъ.
 Онъ отнюдь не идеализируетъ духовенства: въ его рассказахъ
 встрѣчаются всякіе типы этого послѣдняго — и дурные и хорошие;
 но ничего нельзя сказать противъ него, въ виду этой очевидной
 правдивости и жизненности его рассказовъ. Уже иначе отно-
 сится къ духовенству Забытый; и таланта и правды въ его раз-
 сказахъ меньше, а карикатурности, напротивъ, гораздо больше;
 но все же и у него есть безпристрастныя, правдивыя страницы
 и болѣе или менѣе художественныя типы. Въ этомъ отношенїи
 особенно выдѣляется его романъ (или повѣсть) „Миражи“. — Осо-
 бенности таланта Потапенко всѣмъ извѣстны: это его благодуш-
 ный юморъ; такъ же вообще относится онъ и къ духовенству;
 но все-же онъ далъ нѣсколько яркихъ, художественныхъ и вмѣ-
 стѣ съ тѣмъ симпатичныхъ типовъ. — Нѣчто совершенно особен-
 ное представляетъ собою, напротивъ, недавно умершїй вѣкто С.
 Миловскїй, писавшїй обыкновенно подъ псевдонимомъ Елеонскаго,
 а въ послѣднее время и подъ нѣкоторыми другими псевдонимами
 (напр., Николая Шиханова) и, къ удивленїю, до самой смерти
 (онъ недавно покончилъ съ собою въ припадкѣ сумасшествїя)
 занимавшїй мѣсто зрителя духовнаго училища (правда, онъ
 тщательно скрывалъ свое посѣтельство). Обладая малымъ лите-
 ратурнымъ талантомъ, но большими претензіями, этотъ писатель
 проявилъ въ своихъ рассказахъ такую ненависть къ духовен-
 ству, что въ этомъ отношенїи не имѣетъ себѣ соперниковъ. Не
 только симпатичныхъ, просто сколько-нибудь человѣческихъ ти-
 повъ почти не встрѣчается у него. Всѣ его рассказы (говоря
 совершенно безпристрастно) такъ не литературны, что нужно

было бы удивляться, что они появлялись въ видныхъ журналахъ (въ особенности въ „Русскомъ Богатствѣ“ и „Новомъ Журналь для всѣхъ“), если-бы это не объяснялось очень просто ихъ направлениемъ и характеромъ. После этого писателя осталось множество, посмертныхъ, рассказовъ, которые и печатаются теперь въ различныхъ журналахъ. И одинъ изъ такихъ рассказовъ побилъ рекордъ въ своемъ творчествѣ даже его. Это — „Волшебникъ“, напечатанный въ юньской книжкѣ „Русской Мысли“ 1912 г. Появленіе такого разсказа, кажется, только и можно объяснить начинавшимся безуміемъ покойнаго писателя.

Въ послѣдніе, преимущественно освободительные, годы выдвинулся и еще „писатель“ и весьма плодовитый, тоже усиленно покровительствуемый и печатаемый свѣтскими журналами и „Знавіемъ“ и кто Гусевъ-Оренбургскій (Сергій Гусевъ), бывший нѣсколько лѣтъ священникомъ въ одной изъ восточныхъ губерній и добровольно снявшій санъ. Талантъ у него не много значительнѣе Елеонскаго, но претензіи гораздо шире. Онъ уже не довольствуется простыми разсказами изъ жизни духовенства и изображеніемъ типовъ его, — хотя и такихъ разсказовъ у него не мало, — но хочетъ и употребляетъ отчаянныя, хотя и малоуспѣшныя, усилія — дать широкую картину такого нравственнаго и матеріальнаго кризиса, который, какъ отраженіе общаго соціальнаго и политическаго кризиса послѣднихъ лѣтъ, захватилъ и духовенство. Первою и, нужно сказать, наиболѣе, хотя все-таки далеко не вполне, удачною его попыткою въ этомъ отношеніи былъ его большой разсказъ „Страна отцовъ“, уже самымъ заглавіемъ указывавшій на свое содержаніе. Здѣсь на фонѣ общаго политическаго и общественнаго кризиса, нашъ авторъ и пытается показать, какъ отразился этотъ кризисъ на православномъ русскомъ духовенствѣ, въ какомъ положеніи засталъ его и какія волненія и пертурбаціи произвелъ въ немъ, какіе породилъ новыя типы и явленія. Среди довольныхъ вообще и продолжающихъ пребывать въ благодушій даже и теперь ба-

туютъ, а также и ярыхъ защитниковъ стараго строя и порядка — съ одной стороны, и недоумѣвающихъ, растерянныхъ и сбитыхъ съ позиціи — съ другой, онъ намѣчаетъ новый типъ батюшекъ и вообще духовенства, типъ не только примирившихся съ новымъ теченіемъ, но и открыто и восторженно идущихъ ему навстрѣчу, захваченныхъ имъ. Но еще съ большею рельефностью и большими усиліями старается онъ вырисовать и особый типъ, — типъ духовной молодежи, дѣтей духовенства, питомцевъ не только свѣтскихъ, но даже и духовныхъ школъ, всею душою примкнувшихъ къ новому движенію и съ яростною враждою и самою крайнею ветерпимостью относящихся не только къ старому порядку, но даже къ роднымъ отцамъ. Мелькомъ и въ самомъ неприглядномъ видѣ изображаетъ онъ и противоположный типъ молодежи, защищающій старый порядокъ. Въ первый разъ и наиболѣе широко и, пожалуй, даже сравнительно болѣе удачно всѣ эти попытки осуществлены имъ въ упомянутой уже повѣсти „Страна отцовъ“; но, не ограничившись этою повѣстью, Гусевъ-Оренбургскій тѣ же самые мотивы и почти тѣ же типы началъ проводить и выводить въ цѣломъ рядѣ другихъ повѣстей: „Сказки земли“, „Призракъ“ и другихъ и, наконецъ, въ самое послѣднее время, въ повѣсти „Въ глухомъ уѣздѣ“ (Сборникъ товарищ. „Знаніе“ 38-й выпускъ). И если уже и первая попытка нашего автора была мало удачною, то послѣдующія, являющіяся перепѣвами старыхъ мотивовъ и повтореніями уже выведенныхъ ранѣе типовъ, возбуждаютъ просто скуку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отчасти въ указанныхъ уже повѣстяхъ, отчасти и въ нѣкоторыхъ разсказахъ, онъ хочетъ изобразить встрѣчу духовенства съ новыми теченіями въ крестьянской жизни и неоднократно рисуеть трагическое положеніе духовенства, ради матеріальныхъ интересовъ вынужденнаго становиться на сторону разорителей народа — кулаковъ (лучшій изъ такихъ разсказовъ — „Въ приходѣ“). Но вообще творчество нашего автора скудно-скудно мыслями и образами. Безъ конца повторяетъ онъ одни и тѣ же разсужденія, однѣ и тѣ же

картины, даже одни и тѣ же выраженія и одни и тѣ же типы хохочущихъ, протестующихъ, пьянствующихъ и собирающихъ мзду или не чуждыхъ увлеченія женскимъ поломъ батюшекъ и разухабистыхъ, горластыхъ и жадныхъ дьяконовъ. („Вос. День“).

Изъ прошлаго Вятской епархіи.

I.

Благочинный слободы Кукарки Троицкаго собора протоіерей Θεоктистъ Ивановскій докладомъ къ Преосвященѣйшему Амвросію, Епископу Вятскому и Слободскому, *) испрашивалъ позволенія на выдачу благочивія его просфорницамъ для печенія просфоръ отъ церквей по нѣскольку сажень дровъ и по пуду соли, поелнку оиѣ, просфорницы, не имѣя со стороны священно и церковно-служителей содѣйствія, по холодности людей, ничего за труды получать не могутъ. Почему Вятская Консисторія приказали и Его Преосвященствомъ утверждено: „Какъ извѣстно, что въ просфорницы опредѣляются священно и церковно-служительскія вдовья жены самыя бѣдныя, почему въ пособіе къ безбѣдному ихъ содержанію выдавать изъ казны какъ по нѣскольку сажень дровъ, такъ и по пуду соли слѣдуетъ. Сверхъ сего и священникамъ подтвердить, чтобы они своихъ прихожанъ при поминовеніяхъ и сорокоустахъ по усопшимъ не только не воспрещали за труды просфорницамъ что либо давать, но еще съ учтивостію къ тому ихъ убѣждали“. О вышеизложенномъ Вятская Консисторія и сообщила указомъ въ Яранское духовное правленіе отъ 1 марта 1820 года за № 727, а послѣднее 23 марта 1820 за № 139 Кукарскому благочинному протоіерею Θεоктисту, послѣдній же священно-церковно-служителямъ округа. (Указъ Вятской Консисторіи отъ 1 марта 1820 года № 727; рапортъ благочиннаго

*) Преосвященный Амвросій 2-й (Верещагинъ) былъ Епископомъ въ Вяткѣ съ 1817 по 1822 г. „Вятская епархія“. Вятка 1912 г. стр. 43.

протоіерей Θεоктиста Ивановскаго отъ 19 апрѣля 1820 года № 76. Дѣло Яранскаго духовнаго правленія 1820 года № 47).

II.

5 августа 1760 года крестьяне прихода Яранскаго заказа села Николаевскаго, Пиштанъ тожь, Казанскаго уѣзду ясацкой дороги ясапные и дворцовые крестьяна деревни Сердыжа десятникъ Ѳедоръ Матвѣевъ, Дмитрей Еремѣевъ, рядовые Семень Константиновъ, Тарась Петровъ и всей той деревни мірскіе люди вошли въ Яранское духовное правленіе со слѣдующею просьбою: оная наша деревня Сердышь отъ показаннаго села Пиштани разстояніемъ верстъ съ сорокъ, а другаго села по близости никакого не имѣется, а то наше село Пиштанъ стало быть за рѣками и великими болотами какъ въ праздники Божіи, такъ и въ воскресные дни для моленія за тѣми рѣками и болоты, а паче отъ тѣхъ рѣкъ за разливами имѣется велия нужда, а нынѣ мы за такую великою нуждою жѣлаемъ для моленія такихъ праздниковъ Божіихъ и воскресныхъ дней построить въ той своей деревнѣ во имя Петра и Павла и Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ часовню деревянную. Того ради симъ доношеніемъ вышеобъявленнаго Яранскаго духовнаго правленія покорнѣйше просимъ, дабы повелѣно было въ той нашей деревнѣ для моленія въ праздники Божіи въ и воскресные дни изъ показанныхъ необходимыхъ нуждъ о строеніи той часовни дать письменное повелѣніе. 1760 г. августа 5 дня. Въмѣсто крестьянъ Ѳедора Матвѣева, Дмитрія Еремѣева, Семена Константинова, Тараса Петрова своихъ прошенію Яранской поповской сынъ Иванъ Петровъ руку приложилъ.

На семь прошеній резолюція Духовнаго Правленія: „Принявъ записать въ протоколъ; по сему доношенію означеннымъ просителямъ о построеніи часовни дать указъ, а сіе доношеніе вріобщить въ столбъ“.

По сему доношенію указъ давъ августа 8 дня (1760 г.).
(Дѣло Яранск. Дух. Правленія 1760 года № 18).

П. Сумароковъ.

Некрологъ.

16 іюня с. г. скончался священникъ села Покровскаго, Котельническаго уѣзда, о. Алексій Васильевичъ Блиновъ, 60 лѣтъ.
Покойный — сынъ священника села Узей, Малмыжскаго уѣзда.
Въ раннемъ дѣтствѣ лишившись своего отца, онъ познакомился съ суровой и непривѣтливой долей сиротства. Мать его, оставшись послѣ смерти мужа съ семействомъ въ семь человѣкъ дѣтей, испытывая самую острую во всемъ нужду, перенесла много горя и заботъ. Образование свое почившій о. Алексій началъ въ Глазовскмъ дух. училищѣ, а закончилъ въ Вятской духовной семинаріи въ 1877 году. По окончаніи семинаріи онъ былъ два года учителемъ въ вотской школѣ въ своемъ родномъ селѣ. Въ 1879 году былъ опредѣленъ на священническое мѣсто въ с. Бѣлозерье, Орловскаго уѣзда. Село это было однимъ изъ бѣдныхъ селъ епархіи съ населеніемъ почти изъ однихъ раскольниковъ. Средства, получаемыя отъ прихожанъ, едва хватало на сносное существованіе. Въ 1887 году о. Алексій, имѣя уже семейство изъ четырехъ дѣтей, перемѣщается въ село Покровское, Котельническаго уѣзда. 13 мая 1913 г. онъ былъ уволенъ за штатъ. Здѣсь-то въ с. Покровскомъ, проживъ на одномъ мѣстѣ двадцать шесть лѣтъ, и скончался о. Алексій.

Оставивъ въ сторонѣ погрѣшности и слабости о. Алексія, какъ человѣка, которымъ нелицепріятный Судія — Господь нашъ Іисусъ Христосъ, имѣющій воздать коемуждо по дѣломъ его, мнѣ

хочется помянуть почившаго добрымъ словомъ. Мнѣ хочется сказать, что дѣятельность его, какъ настоятеля церкви и пастыря словеснаго врученнаго ему стада Христова, не была бесплодна.

Первою заботою его по прїѣздѣ въ с. Покровское былъ храмъ. При немъ было устроено 2 иконостаса въ церкви, при немъ же были устроены дома для причта, такъ какъ казенныхъ домовъ не было. Въ 1892 году въ с. Покровскомъ былъ открытъ второй штатъ въ виду отдаленности прихода и разбросанности его. Для новаго штата не было квартиръ. Опять о. Алексѣю пришлось изыскивать средства и строить квартиры. Заботился отецъ Алексѣй и о томъ, чтобы дать образованіе дѣтямъ вѣранныхъ ему прихожанъ. Для этого его трудами и заботами устроено и открыто земское училище на мѣстныхъ средства при пособіи отъ земства. Его стараніями съ 1892 года школа эта была передана въ вѣдѣніе уѣзднаго отдѣленія и преобразована въ двухклассную церковно-приходскую школу, гдѣ онъ, ставъ во главѣ, могъ вести образованіе и воспитаніе народа въ строго-церковномъ направленіи.

Всѣхъ, проѣзжавшихъ по Московскому тракту изъ Котельнича въ Яранскъ, поражала колокольня при церкви села Покровскаго своей странной, уродливой формой, лишенной всякаго художественнаго вкуса. Въ послѣднее время энергіей о. Алексѣя эта колокольня была перестроена и церковь, значительно расширенная пристройкой холодной церкви, приняла не только приличный, но и красивый видъ. При немъ же заведенъ колоколь въсомъ въ 100 пудовъ, въ изысканіи средствъ на который отецъ Алексѣй принималъ горячее участіе. При большомъ расходѣ на расширеніе церкви и скудости церковныхъ средствъ, приходилось о. Алексѣю поддерживать въ приличномъ видѣ квартиры причта и зданіе церковной школы. И если не вездѣ и не все успѣлъ сдѣлать о. Алексѣй, то не малая доля вины того въ сѣдности церкви, попечительства и прихода.

Школа во время завѣдыванія о. Алексѣя была поставлена на должную высоту какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ

отношеніяхъ. Заниматься въ школѣ, даже бесплатно, было для него не тяжелою повинностью, а удовольствіемъ. Несмотря на свои обязанности по церкви и приходу, онъ ежедневно находилъ время посѣтить школу. Необходимо отмѣтить здѣсь и то, что вся полезная дѣятельность о. Алексѣя чужда была показной хвастливости. Если что онъ дѣлалъ, то дѣлалъ не ради славы и почестей, а исключительно ради пользы.

За свои добрыя отношенія къ прихожанамъ почившій о. Алексѣй снискалъ себѣ любовь среди прихожанъ и оставилъ по себѣ добрую память въ сердцахъ ихъ. Служеніе его отличалось неспѣшностью, торжественностью, возгласы произносились всегда велегласно, такъ что всѣмъ было слышно каждое его слово. Онъ былъ неустаннымъ проповѣдникомъ истинъ вѣры и нравственности, не ограничиваясь въ данномъ случаѣ однимъ амвономъ. Его можно было видѣть въ воскресные и праздничные дни въ домахъ прихожанъ, которыхъ онъ любилъ посѣщать для собесѣдованій.

Въ отношеніи къ низшимъ членамъ причта почившій былъ строгъ и требователенъ. Видя недостатки низшей братіи, онъ откровенно и прямо говорилъ о нихъ, но при всей своей грубой внѣшности былъ добръ и далекъ отъ того, чтобы о каждомъ мало-важномъ проступкѣ низшихъ членовъ причта доносить начальству.

Семейство почившаго о. Алексѣя состояло изъ трехъ сыновей и 4 дочерей. Дѣтей своихъ почившій сумѣлъ воспитать въ строго церковномъ духѣ. Для этого каждый воскресный и праздничный день всѣ дѣти о. Алексѣя должны были посѣщать церковь, гдѣ всѣ они обыкновенно пѣли и читали, а мальчики и прислуживали въ алтарѣ въ качествѣ пономарей. О томъ, что можно поѣсть до обѣдни или выпить чаю, ребята не могли и думать, а поѣсть постомъ чего нибудь скоромнаго—объ этомъ дѣти не знали, какъ можно и спрашивать родителей. И вотъ эта-то строгость, которую по нынѣшнимъ временамъ сочтутъ пожалуй грубымъ пережиткомъ старины, имѣла тѣ добрыя

послѣдствіа, что дѣти не ушли на сторону, а остались вѣрными служенію отца: два сына о. Алексѣя на епархіальной службѣ, одинъ священникомъ, а другой діакономъ, и двѣ дочери въ заму- жествѣ за священниками и одна за діакономъ.

Дѣти о. Алексѣя, при самой первой возможности работать, пріучались къ труду. Сыновья находились при отцѣ, который, будучи самъ хорошимъ столяромъ, научилъ и дѣтей столярному мастерству, малярному, научилъ переплетному дѣлу, развилъ въ дѣтяхъ любовь къ садоводству и цвѣтоводству. При постройкѣ собственнаго дома о. Алексѣй много работъ въ домѣ произвелъ самъ, имѣя помощниками своихъ сыновей. Дочери же его, находясь при матери, помогали ей въ работѣ и были знакомы со всей черной работой по хозяйству. Вымыть пола, выстирать бѣлье, посадить въ огородѣ, выполоть, полить и другія подобныя работы, требующія обычно особой прислуги, подевицы, въ домѣ о. Алексѣя не требовали посторонней помощи; все дѣлалось собственными силами. Для дѣтей, пріученныхъ къ труду, праздность была непонятна. Закономивъ на прислугѣ и на простомъ образѣ жизни и столѣ, о. Алексѣй при скромныхъ средствахъ, получаемыхъ отъ прихода, далъ образованіе дѣтямъ, а двухъ послѣднихъ — сына и дочь до самой смерти содержалъ на свой счетъ въ семинаріи и епархіальномъ училищѣ.

Смиреннаго и добраго о. Алексѣя Господь удостоилъ тихой, христіанской кончины. Причастившись наканунѣ и пособоровавшись, онъ 16 іюня въ воскресенье, во время выноса Св. даровъ за Божественной литургіей, мирно отошелъ ко Господу. Погребеніе о. Алексѣя назначено было собравшимися дѣтьми на 19 іюня. За литургіей, которую совершалъ въ этотъ день сынъ почившаго, храмъ былъ полонъ молящихся, большею частью крестьянъ, нашедшихъ, несмотря на рабочую пору, время притти въ храмъ помолиться за усопшаго своего пастыря, за его грѣхи вольные и невольные. За литургіей было сказано зятемъ покойна-

го, священникомъ с. Кугушерги, Яранск. у., о. Алексѣемъ Лубнинымъ поученіе о высотѣ пастырскаго служенія, которому не измѣнилъ до конца дней своихъ почившій, почтенный старецъ о. Алексѣй. Въ два часа дня начался чинъ отпѣванія о. Алексѣя, который былъ совершенъ нарочито прибывшимъ о. Благочиннымъ, священникомъ Аванасіемъ Костровымъ, при участіи 6 священниковъ, родственниковъ и знакомыхъ почившаго. За отпѣваніемъ было сказано свящ. Лубнинымъ слово отъ лица благодарныхъ дѣтей. При пѣніи стихирь „Приидите послѣднее цѣлованіе“ начался трогательный обрядъ послѣдняго прощанія. Всѣ присутствующіе въ храмѣ почитатели о. Алексѣя сочли долгомъ проститься съ умершимъ. Здѣсь были видны неподдѣльныя слезы, слышались искренніе вздохи сокрушенія о почившемъ. На рукахъ священниковъ гробъ съ почившимъ о. Алексѣемъ былъ обнесенъ при колокольномъ звонѣ кругомъ храма и опущенъ въ приготовленную могилу въ церковной оградѣ рядомъ съ могилой жены его Анны Николаевны, годъ тому назадъ оставившей о. Алексѣя сиротой. Опущенъ былъ гробъ, задѣланъ сводъ, унесены хоругви и крестъ, но долго еще стоялъ у могилы народъ-прихожане, оплакивая кончину своего добраго пастыря о. Алексѣя.

Миръ праху твоему, смиренный о. Алексѣй, безхитростно и добре потрудившійся на нивѣ Христовой!

Да будетъ тебѣ легка земля!

Разныя извѣстія.

—*Какая участь некрещенныхъ младенцевъ и можно ли молиться за нихъ?* Участь младенцевъ, умершихъ некрещенными, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа безнадежной. Въ нашихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ выражается прямое вѣрованіе въ помилованіе младенцевъ, скончавшихся некрещенными: „вѣдати подобаетъ, читаемъ мы въ синаксарѣ субботы

Мясопустной, — яко младенцы непросвѣщеніи“ (т.-е. некрещенные) ниже въ геенну пойдуть“. Св. Григорій Нисскій (у коего есть цѣлое разсужденіе „о младенцахъ, преждевременно похищаемыхъ смертію“) говорить объ этомъ предметѣ такъ: „Преждевременная кончина младенцевъ не ведетъ къ мысли, что окончившій такъ жизнь несчастливъ, или что онъ равенъ очистившимъ себя въ настоящей жизни всякою добродѣтелію, потому что Богъ, по лучшему своему промысленію, предотвращаетъ безмѣрность зель въ тѣхъ, которые стали бы жить во злѣ... Не вкусившій жизни не окажется блаженнѣйшимъ того, кто жилъ хорошо. Но если кто жизнь младенческую и незрѣлую жизнь будетъ сравнивать съ жизнью добродѣтельною, то таковой, произнося о существахъ подобное сужденіе, самъ не зрѣлъ“. Св. Григорій Богословъ, въ словѣ о крещеніи, также говоритъ: „Не сподобившіеся св. крещенія по малолѣтству младенцы не будутъ у праведнаго судіи ни прославлены, ни наказаны, потому что, хотя не запечатлѣны св. крещеніемъ, однакоже и не худы, и больше сами потерпѣли, нежели сдѣлали вредъ, ибо не всякій, недостойный чести, достоинъ уже и наказанія“. Изъ этихъ словъ упомянутыхъ святыхъ отцовъ слѣдуетъ, что нѣтъ никакихъ основаній смущаться участію некрещенныхъ младенцевъ. Подобнымъ же образомъ разсуждаетъ св. Ефремъ Сиринъ: „Кто умеръ во чревѣ матери и не вступилъ въ жизнь, того судія сдѣлаетъ совершеннолѣтнимъ въ то же мгновеніе, въ которое возвратитъ жизнь мертвецамъ. Младенецъ, мать коего умерла вмѣстѣ съ нимъ во время чревоношенія, при воскресеніи предстанетъ совершеннымъ мужемъ и узнаетъ мать свою, а она узнаетъ дѣтище свое“.

Св. Димитрій Ростовскій замѣчаетъ о дѣтяхъ, погибшихъ во время всемірнаго потопа и въ день истребленія огнемъ городовъ Содома и Гоморры: „Господь, милосердствуя убо о неповинныхъ младенцахъ, пресѣче имъ временную жизнь временною казнью, души же ихъ соблюде свободны отъ вѣчныхъ мукъ, въ няже отцы ихъ впадоша“. Апостоль Пазель говоритъ о дѣтяхъ, у

коихъ — отецъ христіанинъ, а мать некрещенная, что чада эти „свята суть“ (1 Кор. 7, 14). А христіанскіе мертворожденные младенцы имѣютъ и родителей и предковъ православныхъ; помимо того, дѣти эти въ нѣкоторомъ родѣ уже предосвятились еще и до рожденія и во время чревоношенія ихъ. Это говорится о тѣхъ некрещеныхъ младенцахъ, нося коихъ въ утробѣ своей, матери ихъ каждодневно молились, часто читали слово Божіе, часто соединялись съ Господомъ въ таинствѣ причащенія. И приснопамятный Вышинскій затворникъ, святитель Феоданъ давалъ такой отвѣтъ обращающимся къ нему съ вопросомъ объ участи некрещенныхъ младенцевъ: „Дѣти всѣ — ангелы Божіи суть. Некрещенныхъ, какъ и всѣхъ внѣ вѣры сущихъ, надобно предоставлять Божію милосердію. Они не пасынки, и не падчерицы Богу. Потому Онъ знаетъ, что и какъ въ отношеніи къ намъ учредить. Путей Божіихъ бездна! Такіе вопросы слѣдовало бы рѣшить, если бы на насъ лежалъ долгъ всѣхъ призрѣть и пристроить. Какъ это не возложено на насъ, то и оставимъ пещись о нихъ Тому, Кто печется обо всѣхъ“.

На вопросъ, какъ молиться о мертворожденных и несподобившихся крещенія младенцахъ, одинъ изъ Палестинскихъ святителей, Стефанъ, архіепископъ Виледемской обители, даетъ такой отвѣтъ: „Не слѣдуетъ отвергать младенцевъ, кои родились мертвыми и не успѣли быть окрещены: они не виноваты, что не получили крещенія, а у Отца Небеснаго обители многи суть, въ числѣ коихъ есть, конечно, и такія, въ которыхъ таковыя младенцы будутъ покоиться за вѣру и благочестіе вѣрныхъ своихъ родителей, хотя сами, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, и не получили крещенія. Молиться за нихъ могутъ родители съ вѣрою въ милосердіе Божіе. Каждая мать, плачущая о таковыхъ своихъ чадахъ, безъ сомнѣнія, можетъ вопіять къ человѣколюбцу Господу слѣдующими словами: „Господи, помилуй чадъ моихъ, умершихъ во утробѣ моей, за вѣру и слезы мои ради милосердія Твоего, Господи, не лиши ихъ свѣта Твоего Божественнаго“.

Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о поминовеніи некрещенныхъ младенцевъ за литургіей. Если церковь не позволяетъ даже и присутствовать некрещенымъ при совершеніи главной части литургіи, называемой поэтому литургією „вѣрныхъ“, то какъ же могутъ поминаться на такой страшной трапезѣ души, которыя совершенно не просвѣщены св. крещеніемъ? Но каждый христіанинъ, изъ любви къ Богу и ближнему, можетъ воздыхать о такихъ младенцахъ къ Богу въ своихъ домашнихъ молитвахъ, для каковой цѣли пригодна слѣдующая молитва, находящаяся въ синодикѣ митрополита новгородскаго и петербургскаго Григорія: „Помяни, Человѣколюбче Господи, души отошедшихъ рабъ твоихъ — младенцевъ, кои во утробѣ православныхъ ихъ матерей умерли нечаяно отъ невѣдомыхъ дѣйствій, или отъ труднаго рожденія, или отъ нѣкоей неосторожности, — и потому не пріяли святаго таинства крещенія! Окрести ихъ, Господи, въ морѣ щедротъ Твоихъ и спаси неизреченною Твоею благодатію“...

— *Гдѣ слѣдуетъ ставить крестъ на могилѣ?* Такъ какъ нѣтъ опредѣленныхъ узаконеній насчетъ того, гдѣ — у ногъ покойника или у изголовья его — слѣдуетъ ставить крестъ надъ могилой, то вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только по разсмотрѣніи тѣхъ основаній, по которымъ предлагаютъ ставить крестъ то на томъ, то на другомъ мѣстѣ.

Одни полагаютъ, что нужно ставить крестъ у изголовья покойника, такъ какъ это, по ихъ мнѣнію, болѣе соотвѣтствуетъ религіозному значенію надмогильныхъ крестовъ. Защитникъ этой мысли Н. Г., такъ обосновываетъ ее въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“.

„Крестъ надъ могилою христіанина не долженъ быть разсматриваемъ только какъ украшеніе, подобно другимъ разнообразнымъ памятникамъ, воздвигаемымъ любовью близкихъ родственниковъ, друзей, почитателей. Онъ въ гораздо большей степени

есть знаменіе исповѣданія умершимъ вѣры въ Іисуса Христа, крестомъ побѣдившаго смерть и призвавшаго насъ итти Его путемъ. Какъ всенародное знаменіе, крестъ Христовъ долженъ сіять преимущественно на чель вѣрующаго при жизни его и у изголовья надъ могилой по смерти. Отцы церкви и древніе церковные писатели убѣждаютъ не стыдиться креста Христова и открыто изображать его на себѣ, въ особенности на чель какъ на самой видной части тѣла. „Крестное знаменіе ежедневно начертывается на чель нашемъ какъ бы на столбѣ“ (Златоустъ). „Чело наше будемъ увѣнчивать драгоценнымъ и животворящимъ крестомъ“ (Ефремъ Сир.).

Сторонники второго мнѣнія—о необходимости ставить крестъ у ногъ покойника—основываются на установившемся обычаѣ полагать усопшихъ въ храмъ во время погребенія и въ могилѣ—головой къ западу, т. е. съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку. Основанія для такого положенія усопшихъ понятны: на востокѣ былъ рай и на востокѣ содѣлано спасеніе наше. Господь именуется у пророковъ и евангелистовъ Востокомъ и солнцемъ правды и на востокъ же посему всегда обращаются христіане при молитвахъ; съ востока же слѣдуетъ ожидать и призыва на Страшный судъ, при кончинѣ міра (Церк. Вѣстн. 1895, № 1). При такомъ положеніи усопшаго и такомъ значеніи положенія тѣла естественно и крестъ ставить предъ духовнымъ взоромъ усопшаго, т. е. въ ногахъ его, такъ чтобы образъ Распятаго Господа,—нашего Искупителя и Спасителя, нашей единой Надежды и по смерти, былъ обращенъ на западъ, т. е. къ лицу покойника.

Такой отвѣтъ о поставленіи креста именно у ногъ усопшаго данъ былъ и въ Церкви. Вѣдомостяхъ (1895 г. № 5).

Съ этимъ мнѣніемъ, какъ болѣе основательнымъ, и слѣдуетъ согласиться.

Чудесное сновидѣніе. Въ журналѣ „Странникъ“ за 1893 г. помѣщенъ (№ 8 августъ) разсказъ о чудномъ сновидѣніи. 2 іюля (1893 г.) къ преосвященному Мартиніану, епископу Таврическому, явились настоятель Петропавловской церкви о. Д. Койко и одинъ изъ членовъ мѣстной интеллигенціи, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, и доложили владыкѣ, что въ ночь подъ 30-е іюня означенному лицу приснился сонъ, что къ нему подошелъ какой-то офицеръ съ окровавленной повязкой на головѣ и просилъ его передать священнику Петропавловской церкви вопросъ, почему тотъ не молится за него, не молится тѣмъ угодникамъ Божиимъ, мощи которыхъ находятся въ пожертвованной имъ иконѣ? При чемъ прибавилъ, что на прор. Ілію пожертвованной иконѣ исполнится 200 лѣтъ. Лицо, видѣвшее сонъ, отправилось къ настоятелю Петропавловской церкви о. Дмитрію и сообщило ему сновидѣніе. О. Дмитрій замѣтилъ, что въ церкви нѣтъ 200-лѣтней иконы, такъ какъ церковь существуетъ лишь съ 1805 г., нѣтъ и иконъ съ частицами мощей, но, впрочемъ, въ церкви есть икона, которую, какъ рассказывалъ ему его предмѣстникъ, прот. Рудневъ, нынѣ уже умершій, во время крымской кампаніи привезъ какой-то офицеръ и оставилъ въ церкви подъ условіемъ, что если онъ возвратится изъ Севастополя, то возьметъ обратно икону, если не возвратится, то жертвуетъ ее въ храмъ. Неизвѣстный офицеръ не возвратился, и икона осталась въ церкви. Это побудило о. Дмитрія Койко осмотрѣть святыню, при чемъ о. Дмитрій засвидѣтельствовалъ, что онъ ни разу не открывалъ того образа. Послали за діакономъ, и всѣ три лица отправились въ церковь и приступили къ осмотру иконы. Икона представляетъ кипарисовую доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также лики угодниковъ. Въ особомъ углубленіи помѣщается серебряный крестъ. Когда его съ большимъ трудомъ вынули, то оказалось, что онъ раздвигается и въ срединѣ находятся мощи св. Лазаря, св. великомученика Θεодора Стратилата, св. апостола и евангелиста Луки и св. первомученика ар-

хидіакона Стефана. Надписи указываютъ, что тутъ были и другія частицы мощей, въ томъ числѣ и первомученицы Феклы. Но осматривающихъ ждало еще большее удивленіе: ввизу креста чуть замѣтно славянскою вязью стояла вырѣзанная надпись, гласящая „ЗСА году“, т. е. 7201 годъ, нынѣшній 1893 годъ соответствуетъ „ЗУА“, т. е. 7401 году, а слѣдовательно „ЗСА“ (7201) есть 1693 годъ, т. е. дѣйствительно въ нынѣшнемъ году исполняется иконѣ, согласно сновидѣнію, двѣсти лѣтъ. Преосвященный Мартиніанъ, въ виду того, что имя жертвователя неизвѣстно, а принесенная икона въ Петропавловскую церковь доставлена офицеромъ, не возвратившимся изъ Севастополя, приказаль ежедневно въ этой церкви совершать заупокойныя ектеніи о воинахъ, павшихъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество. („Кол.“).

Х Р О Н И К А.

Архіерейскія служенія. 15 августа, Успеніе Пресвятой Богородицы, Божественную литургію Преосвященнѣйшій Филаретъ, въ сослуженіи съ Преосвященнѣйшимъ Павломъ, Епископомъ Глазовскимъ, совершалъ въ Успенскомъ соборѣ Трифоновъ монастыря.

Поездка Преосвященнѣйшихъ Филарета и Павла въ гор. Слободской. Въ субботу, 17 августа, Преосвященнѣйшій Филаретъ, вмѣстѣ съ Преосвященнѣйшимъ Павломъ, Епископомъ Глазовскимъ, выѣхалъ въ г. Слободской на освященіе устроеннаго при Слободскомъ мужскомъ монастырѣ храма въ честь препод. Трифона, Вятскаго Чудотворца. Вечеромъ въ воскресенье Владыки изъ поѣздки возвратились.

Предстоящее торжество въ Верхотурскомъ Николаевскомъ монастырѣ. Во вновь сооруженномъ Верхотурскомъ Николаевскомъ монастырѣ, Екатеринбург. епархіи, величественномъ трехъ-престольномъ храмѣ, въ честь Воздвиженія Честнаго и

